

Глава 3.
Анализ диалога «Гиппий Большой».

Вначале изложим содержание диалога:

В Афины приезжает Гиппий Большой, где его встречает Сократ, долго ждавший гостя. Вскоре у них завязывается разговор о прославленных древних мужах, таких, как Питтак, Биант, Фалес. У Сократа возникает вопрос, как им удалось прославиться, будучи не причастными к государственным делам. Гиппий отвечает, что они были не в силах заниматься одновременно общественными и частными делами.

Позднее они приходят к диалогу о красоте и безобразии. Сократ сообщает Гиппию о некоем человеке, резко спросившем:

"Откуда тебе знать, Сократ,- сказал он,- что именно прекрасно и что безобразно? Давай-ка посмотрим, можешь ли ты сказать, что такое прекрасное?" На что Сократ ответить затруднился. Теперь он просит Гиппия, знающего много, помочь разобраться с этим вопросом. Они договариваются, что Сократ будет спрашивать, подобно тому, как это делал поставивший его в затруднительное положение человек, а Гиппий отвечать, в результате чего Сократ познает истину.

Первый вопрос Сократа: "Элидский гость, не справедливостью ли справедливы справедливые люди?"

Гиппий отвечает: справедливостью.

Но этот ответ приводит к неоднозначному продолжению диалога.... Вот отрывок:

«Сократ: Итак, справедливость что-то собой представляет?

Гиппий: Конечно.

Сократ: А не мудростью ли мудры мудрецы, и не в силу ли блага бывает благим все благое?

Гиппий: Как же иначе?

Сократ: И все это в силу чего-то существует? Ведь не есть же это ничто, Гиппий. Конечно, это есть нечто.

Сократ: Так не будет ли и все прекрасное прекрасным благодаря прекрасному?

Гиппий: Да, благодаря прекрасному.

Сократ: И это прекрасное есть нечто?

Гиппий: Нечто. Чем же ему и быть?»

Первое точное определение Гиппия прекрасного: «прекрасное – это прекрасная девушка».

Сократ радуется тому, что теперь он ответит тому человеку, который поставил его в неловкое положение таким сложным вопросом.

И все же собеседники продолжают обсуждать прекрасное, пытаются предугадать заранее возможные встречные вопросы со стороны того человека и, соответственно, заранее на них ответить:

«Сократ: Хорош же ты, Сократ! - скажет он. - Ну а разве прекрасная кобылица, которую сам бог похвалил в своем изречении, не есть прекрасное? Что мы на это скажем, Гиппий? Не то ли, что и кобылица есть прекрасное,- я разумею прекрасную кобылицу? Как же нам дерзнуть отрицать, что прекрасное есть прекрасное?»

...

«Сократ: После тот человек скажет (я в этом почти уверен и заключаю из того, как он обычно поступает): "Дорогой мой, а что же такое прекрасный горшок? Разве не прекрасное?"

...

«Сократ. "Так не есть ли, - скажет он, - и прекрасный горшок - прекрасное? Отвечай!"

Гиппий: Так оно, я думаю, и есть, Сократ. Прекрасен и этот сосуд, если он хорошо сработан, но в целом все это недостойно считаться прекрасным по сравнению с кобылицей, девушкой и со всем остальным прекрасным».

Таким образом, Сократ заходит все глубже и глубже, снова запутывая себя вопросами, которые могут возникнуть у собеседника:

«Сократ. Слушай дальше. После этого, я хорошо знаю, тот человек скажет: "Как же так, Сократ? Если станут сравнивать девичий род с родом богов, не случится ли с первым того же, что случилось с горшками, когда их стали сравнивать с девушками? Не покажется ли прекраснейшая девушка безобразной? Не утверждает ли того же самого и Гераклит, на которого ты ссылаешься, когда он говорит: "Из людей мудрейший по сравнению с богом покажется обезьяной, и по мудрости, и по красоте, и по всему остальному"?" Ведь мы признаем, Гиппий, что самая прекрасная девушка безобразна по сравнению с родом богов....»

Затем Сократ, как бы прерывая мысль, вспоминает, о чем изначально спрашивал его человек – о понятии прекрасного в целом. Поэтому он обращается к Гиппию с новой проблемой:

"Но ты, - скажет он, - на вопрос о прекрасном приводишь в ответ нечто такое, что, как ты сам говоришь, прекрасно ничуть не больше, чем безобразно". "Похоже на то", - скажу я. Что же еще посоветуешь ты мне отвечать, друг мой?"

«Именно это», - отвечает Гиппий. «Ведь он справедливо скажет, что по сравнению с богами род людской не прекрасен».

На данном этапе разговора не совсем ясно – заинтересован ли Сократ непосредственно в вопросе красоты или в том, чтобы выйти победителем в споре?

«Сократ. "Спроси я тебя с самого начала, - скажет он, - что и прекрасно и безобразно одновременно, разве неправилен был бы твой ответ, если бы ты ответил мне то же, что и теперь? Не кажется ли тебе, что, как только прекрасное само по себе, благодаря которому все остальное украшается и представляется прекрасным, - как только эта идея присоединяется к какому-либо предмету, тот становится прекрасной девушкой, кобылицей либо лирой?"

Гиппий. Ну, Сократ, если он это ищет - что такое то прекрасное, благодаря которому украшается все остальное и от соединения с чем представляется прекрасным, - тогда ответить ему очень легко. Значит, этот человек совсем прост и ничего не смыслит в прекрасных сокровищах. Ведь если ты ответишь ему, что прекрасное, о котором он спрашивает, не что иное, как золото, он попадет в тупик и не будет пытаться тебя опровергнуть. А ведь все мы знаем, что если к чему присоединится золото, то даже то, что раньше казалось безобразным, украшенное золотом, представится прекрасным.

Сократ. Ты, Гиппий, не знаешь, как этот человек упорен и как он ничему не верит на слово.»

После этого Сократ предполагает, что собеседник спросит его о Фидии, древнегреческом скульпторе и архитекторе. Он решает, что непременно признает Фидия хорошим мастером.

«... Но тогда он, после того как я соглашусь, что Фидий - хороший мастер, скажет: "Значит, ты думаешь, что Фидий, не знал того прекрасного, о котором ты говоришь?" Я же отвечу. "Почему?" "Да потому, - скажет он, - что глаза Афины, а также и остальные части лица, и ноги, и руки он изготовил не из золота, а из слоновой кости, тогда как все это, если бы было сделано из золота, должно было казаться всего прекраснее. Ясно, что он сделал такую ошибку по своему невежеству, так как не знал, что золото и есть то самое, что делает прекрасным все, к чему бы оно ни присоединилось". Что нам ответить ему на такие слова, Гиппий?»

Гиппий отвечает, что правильно будет сказать, что Фидий был прав. Ведь даже из слоновой кости можно сотворить что-то красивое.

Беседа продолжается в том же духе, пока Гиппий не говорит: «Хочешь, я скажу тебе, Сократ, как тебе нужно определить прекрасное, чтобы избавить себя от излишних разговоров? .... Мне кажется, ты добиваешься, чтобы тебе назвали такое прекрасное, которое нигде никогда никому не покажется безобразным. ... Итак, я утверждаю, что всегда и везде прекраснее всего для каждого мужа быть богатым, здоровым, пользоваться почетом у эллинов, а достигнув старости и устроив своим родителям, когда они умрут, прекрасные похороны, быть прекрасно и пышно погребенным своими детьми.»

Сократ поражен тем, как точно выразился Гиппий, однако считает, что все эти ответы покажутся смешными собеседнику. Еще через некоторое время он подтверждает своё мнение:

"Чудак ты, Сократ, - говорит он, - перестань давать подобные ответы так, как ты это делаешь: слишком уж они простоваты и их легко опровергнуть. Лучше рассмотри, не кажется ли тебе, что прекрасное есть нечто, чего мы только что коснулись в одном ответе, когда утверждали, будто золото прекрасно, когда оно к чему-либо подходит, а когда не подходит, оно не прекрасно; так же обстоит и со всем остальным, чему присуще это [свойство]. Рассмотри подходящее само по себе и его природу: не окажется ли прекрасное подходящим?" И вот я обычно соглашаюсь с этим: ведь мне нечего возразить. А тебе не кажется ли именно подходящее прекрасным?»

Из этого рассуждения рождаются новые и новые мысли:

«Но если подходящее заставляет все казаться прекраснее, чем оно есть на самом деле, тогда подходящее - это какой-то обман относительно прекрасного, и это, пожалуй, не то, что мы ищем, Гиппий? Ведь мы исследовали то, чем прекрасны все прекрасные предметы, подобно тому как все великое велико своим превосходством; благодаря этому превосходству все бывает великим, и если даже оно не кажется таким, но таково на деле, оно неизбежно будет великим. Точно так же мы говорим о том, что такое прекрасное, благодаря которому прекрасно все, кажется ли оно таковым или нет. Пожалуй, это не подходящее; ведь последнее, как ты сказал, заставляет предметы казаться прекраснее, чем они есть на самом деле, и не позволяет видеть их такими, каковы они есть. Нужно попробовать показать, что же делает предметы, как я только что заметил, прекрасными, кажутся они таковыми или нет. Вот что мы исследуем, коль хотим найти прекрасное».

«...подходящее, если только оно есть то, что заставляет быть прекрасным, будет, пожалуй, тем прекрасным, которое мы ищем, но не тем, что заставляет казаться прекрасным. Если же, с другой стороны, подходящее есть то, что заставляет казаться прекрасным, оно, пожалуй, не будет тем прекрасным, которое мы ищем. Ведь оно заставляет быть прекрасным, а одному и тому же, пожалуй, не дано заставлять одновременно и казаться и быть прекрасным или чем бы то ни было иным. Итак, давай выбирать, представляется ли нам подходящее тем, что заставляет казаться прекрасным, или тем, что заставляет им быть».

Далее Сократ продолжает высказываться, и ему уже меньше требуются ответы Гиппия, которые становятся все более сдержанными. Главные выводы он делает сам, хоть и обращается за подтверждениями к «учителю»:

«Сократ. Не правда ли, и все тело в целом мы в таком же смысле называем прекрасным, одно - для бега, другое - для борьбы; и все живые существа мы называем прекрасными: и коня, и петуха, и перепела; так же как и всякую утварь и средства передвижения: сухопутные и морские, торговые суда и триеры; и все инструменты, как музыкальные, так и те, что служат в других искусствах, а если угодно, и занятия и обычаи - почти все это мы называем прекрасным таким же образом. В каждом из этих предметов мы отмечаем, как он явился на свет, как сделан, как составлен, и называем прекрасным то, что пригодно, смотря по тому, как оно пригодно и в каком отношении, для чего и когда; то же, что во всех этих отношениях непригодно, мы называем безобразным. Не думаешь ли и ты так же, Гиппий?

Гиппий. Да, думаю.

Сократ. Так, значит, мы правильно теперь говорим, что пригодное скорее можно назвать прекрасным, чем все иное?

Гиппий. Конечно, правильно, Сократ.

Сократ. Не правда ли, то, что может выполнить какую-нибудь работу, для нее и пригодно, то же, что не может, непригодно.

Гиппий. Конечно.

Сократ. Итак, мощь есть нечто прекрасное, а немощь - безобразное?

Гиппий. Вот именно. Все, Сократ, подтверждает, что это так, а в особенности государственные дела: ведь в государственных делах и в своем собственном городе быть мощным прекраснее всего, а бессильным - всего безобразнее».

Возможно, количество высказываемых мыслей и объем того, что Сократ пытается постичь, препятствуют ясному пониманию, сбивая с идеи рассуждения. Появляются противоречия. Вот уже через несколько реплик Сократ говорит: «... наше предположение, будто то, что обладает мощью, и то, что пригодно, тем самым прекрасно, отпадает. А душа наша, Гиппий, хотела сказать вот что: прекрасное есть и пригодное, и способное сделать нечто для блага.»

На данном этапе главный вывод состоит в том, что, всё же, прекрасное есть полезное и одновременно причина блага, но появляется новый вопрос – насколько понятие «прекрасное» соотносится с тем, что воспринимает наш слух и зрение?

Основную идею по этому поводу сформулировал А.Ф. Лосев в произведении «Комментарии к диалогам Платона»:

«Прекрасное – это не зрительное или слуховое удовольствие. Ведь прекрасными могут быть законы и занятия, которые несводимы к зрению и слуху, а также разного рода физические ощущения, как бы люди их ни скрывали. Но даже если согласиться, что прекрасное действительно сводится к зрительным и слуховым удовольствиям, то и в этом случае необходимо сказать, что зрение доставляет удовольствие вовсе не потому, что оно зрение (ибо иначе не могло бы возникнуть слуховое удовольствие), и слух не потому доставляет удовольствие, что он слух (ибо иначе не могло бы возникнуть зрительное удовольствие). Следовательно, причина удовольствия в обоих случаях – это не зрение и не слух, а нечто третье, что находится вне их, но в то же время каким-то образом их определяет (299с – 300с). <...> в отношении зрительных и слуховых ощущений тоже необходимо утверждать, что прекрасны они не благодаря зрению, слуху или их механической сумме, но в силу того "бытия" (этот термин еще раз употребляется в 302с), которое и отлично от них, и определяет их не в смысле безраздельного тождества, но в смысле все нового и нового специфического своего преломления. Это бытие нельзя называть просто полезным, просто благим и просто приятным, оно выше этого».

Спор с Платоном, в конце концов, утомляет Гиппия. Он решает, что весь предыдущий диалог – пустословие. «Выдвигается антитеза двух собеседников: сбитый со всех позиций Гиппий предпочитает произносить красивые речи в суде, совете и вообще перед властями, чтобы побольше заработать денег; Сократ же, этот постоянный искатель истины, всегда страдает и от бессовестных актеров-софистов, которые считают его занятым мелкими и глупыми вещами, и от самого себя, когда он называет вещи прекрасными, а сам еще не знает и только разыскивает, что такое прекрасное само по себе». (А.Ф. Лосев).

Таким образом, неоднозначны все выводы, к которым приходили собеседники во время разговора, в основном звучат рассуждения, которые в разной степени далеки от истины. А однозначна ли сама истина? Мы убеждаемся, что понятия «прекрасное», «красота» - слишком широкие.